

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.109-3+929Пушкин

СПЕЦИФИКА МОТИВА ПУТИ В ПРОЗАИЧЕСКОМ ОТРЫВКЕ ПУШКИНА

М. В. Устратова

Псковский государственный университет
E-mail: Marius1888@rambler.ru

Статья посвящена рассмотрению ранее не затрагиваемого литературоведами аспекта функционирования мотива пути в прозаических отрывках Пушкина, а также детерминации эстетических и мировоззренческих основ включения данного мотива в тексты. Проведенный анализ позволяет заключить, что наличие мотива пути в прозаических отрывках адекватно художественным установкам Пушкина: дорога служит не только фоном развития действия, предоставляя автору свободу для развертывания сюжетных линий, но и вбирает в себя фило-софско-метафорическое значение «дороги жизни».

Ключевые слова: Пушкин, прозаический отрывок, незавершенное сочинение, мотив пути, дорога жизни.

The Features of the Road Motive in a Prose Fragment by Pushkin

M. V. Ustratova

The article considers the aspect, heretofore disregarded by the literary critics, of how the road motive functions in prose fragments by Pushkin, as well as determines aesthetic and world view fundamentals of why this motive is included in the text. The analysis allows to conclude that the presence of the road motive in the prose extracts conforms to Pushkin's artistic paradigm: the road does not only serve as the background for the action development, providing the author with the freedom for unfolding plot lines, but also imbibes philosophical and metaphorical meaning of the 'road of life'.

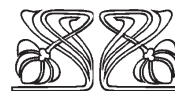
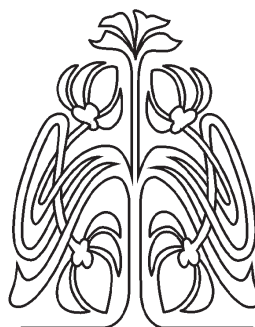
Key words: Pushkin, prose fragment, unfinished work, road motive, road of life.

DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-179-183

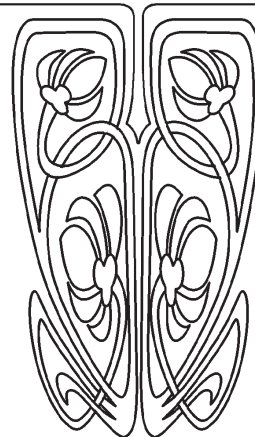
Мотив пути нередко становится объектом литературоведческих исследований, например, посвященных «Мертвым душам» Н. В. Гоголя, «Кому на Руси жить хорошо» Н. А. Некрасова, прозе Н. С. Лескова. На основании этих работ можно говорить о том, что универсалия «дорога» в художественном произведении имеет два ярко выраженных плана. Первый – общеязыковой, известный широкому кругу читателей, согласно которому, «дорога» есть «<...> полоса земли, предназначенная для передвижения»¹; отрезок пространства между определенными точками. Другой план – иносказательный, сближающий дефиницию «путь» с сакральной семантикой предначертанной человеку судьбы с маркированными приобретением опыта и духовным становлением. Именно в иносказательном ключе звучит формулировка понятия «дорога» у Ю. В. Манна: «Дорога – это источник перемен жизни и подспорье в трудную минуту»².

Следует сделать оговорку относительно признанной нами синонимичности понятий «дорога» и «путь»: «Путь <...> То же, что дорога»³, взаимозаменяемость которых подтверждают данные Толкового словаря, иллюстрирующего эквивалентные смысловые оттенки двух понятий: «сбиться с дороги», «идти своей дорогой»⁴ – «сбиться с пути», «идти своим путем»⁵.

Яркой иллюстрацией употребления слова «путь» в переносном значении служит речь С. Т. Верховенского в романе Ф. М. Достоевского «Бесы», который провозглашает готовность двигаться вперед и исправлять ошибки: «Итак, в путь, чтобы поправить дело! В поздний путь, на дворе поздняя осень, туман лежит над полями, мерзлый, старческий иней покрывает будущую дорогу мою, а ветер завывает о близкой могиле <...> Но в путь,

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

в путь, в новый путь»⁶. Заявление Степана Трофимовича всецело иносказательно: так, под «поздним путем» подразумевается почтенный возраст, когда пришло осознание необходимости жизненных изменений; окутывающий землю «туман», как символ неопределенности и неопределенности, указывает на трудности предстоящего пути. Под «инеем», вероятнее всего, следует понимать холод одиночества; под заунывным «воем ветра» – щемящую душу тоску.

В творчестве Пушкина мотив пути занимает одно из ведущих мест, по поводу чего историк литературы Ю. И. Дружников подчеркивает: «Тема дороги у Пушкина – постоянная, тревожная, болезненная, подчас мрачная, проходящая через всю жизнь. Всегда он стремился двигаться, ехать, идти. Подсчитано, что он восемь лет провел в пути»⁷.

Весьма знаменательно, что, согласно мировоззренческой концепции Пушкина, дорога – это жизнь, непрерывное обновление и развитие; вероятно, именно по этой причине поэт рвется в путь, который является источником поэтического вдохновения и раздумий («Путешествие в Арзрум», «Метель», «Капитанская дочка», «Телега жизни» и т. д.).

И в прозаическом, и в поэтическом творчестве Пушкина мотив пути достаточно изучен⁸, однако литературоведческие исследования не затрагивали вопроса бытования дорожных мотивов в структурах незавершенных произведений. С учетом этого цель статьи заключается в определении индивидуально-авторской специфики введения мотива пути в прозаические отрывки.

Наиболее продуктивными для нашей работы правомерно считать два толкования термина «мотив», который имеет широкий диапазон значений. Первое, выдвинутое Г. А. Левинтоном и Б. Н. Путиловым, ориентирует на прямое понимание образа дороги: «Мотив есть не просто элемент, слагаемое, конструирующее сюжет. В известном смысле эпический мотив программирует и обуславливает сюжетное развитие. В мотиве так или иначе задано это развитие»⁹. Второе определение апеллирует к аспекту ассоциативному: «Мотив – это минимальный компонент художественного произведения, обладающий повышенной значимостью (семантической насыщенностью). Часто под мотивами понимают ключевые, опорные слова-символы, несущие в тексте особую смысловую нагрузку»¹⁰.

Выделив из числа незавершенных прозаических сочинений Пушкина отрывки, соответствующие параметру наличия мотива пути, мы условно ректифицировали их на две группы: «в преддверии пути» и «в пути», в соответствии с положением, в котором находится главный герой.

Базой для дифференциации послужили отмеченные в фундаментальном труде В. Я. Проппом «устойчивые элементы», «функции», образующие сюжетную схему сказки, в которой естественным состоянием активно действующих героев является перемещение в пространстве:

1) герой покидает дом (привычный мир); отправляется в путь;

2) путь героя: путешествие с прохождением испытаний¹¹.

К первой группе незавершенных пушкинских сочинений, которую условно можно обозначить «накануне путешествия» = «в преддверии перемены», поскольку по сюжету действующие лица пребывают в фазе «на пороге», перед отправлением в путь, относятся отрывки «Роман на Кавказских водах», «Русский Пелам» и «Марья Шонинг», заключительные фразы которых семантически подобны и привязаны к дорожной тематике: «Парасковья Ивановна уехала»¹², «<...> с головной болью и изгаю *отправился в дорогу*» (417), «<...> *пошел своею дорогою*» (397).

Ход поездки, ее результаты выносятся за раму текста. Пушкин избирает наилучший момент для прерывания работы над замыслами – момент вступления героев на путь духовного совершенствования, когда они, покинув дом, оказываются в переломной ситуации, с которой должен начаться новый этап пути. Писатель, ставя многоточие, как будто отступает перед открывающимся необъятным горизонтом возможностей дальнейшего развития событий, предоставляя реципиенту свободу воображения и интерпретаций текста.

Использование Пушкиным аналогичного метода прекращения повествования в романе «Дубровский» отмечает Ю. И. Дружников: «Герой уехал, и работа над романом остановилась так же неожиданно, как началась»¹³.

Обратимся к особенностям мотива пути в группе отрывков «накануне путешествия». В написанной Пушкиным экспозиционной сцене «Романа на Кавказских водах» образ дальней дороги является центральным: «Помилуй, мать моя, – сказала вошедшая старая дама, – да ты собираешься *в дорогу!* <...> Да ведь это ужесть как далеко» (412). Именно на нем строится сюжетный каркас отрывка, насыщенного «дорожной» атрибутикой: автор изображает домашние хлопоты, связанные со сбором вещей, описывает новую дорожную карету, рассказывает о приезде-отъезде гости и передает разговоры героев о предстоящем пути, о планах на будущее.

Событие поездки, прежде всего, ориентирует читателя на смену топоса: семейство московской барыни Томской из родного дома, «своего» пространства, перемещается в «чужие» края, где его ждут авантурные приключения, похищения и дуэли. Не случайно будто бы предостережение звучит в продублированном Парасковье Ивановой вопросительном местоимении «куда»: «<...> куда тебя бог несет? <...> Охота тебе тащиться бог ведает куда, бог ведает зачем» (412).

С динамической функцией мотива пути, дающего толчок фабуле, спаяна интенция развития сюжета в любовном ключе, на возможную перспективу которого указывает наставление Маше: «<...> воротись у меня с Кавказа румяная, здоровая, а бог даст – и замужняя» (413). Действительно, по наблюдениям А. В. Чичерина за набросками Пушкина, стержнем сюжета отрывка

«Роман на Кавказских водах» должна была выступать любовная интрига: Якубович похищает русскую девушку, которая с ним кокетничает. Гринева спасает ее и на дуэли убивает соперника¹⁴.

Мотив пути наличествует в отрывке «Русский Пелам», который обрывается на сообщении о том, что главный герой, дав прощальный пир, «<...> с головной болью и с изгаю отправился в дорогу» (417). По контрасту с «Романом на Кавказских водах», в котором дорога пролегает из дома, в «Русском Пеламе» «перемены жизни» (417) – несущие символический смысл слова, вскользь оброненные отцом в письме к сыну, – произойдут по возвращении молодого человека из Германии на родину, где должна начаться новая, наполненная интересными событиями жизнь: Пелам выходит в большой свет, попадает в дурное общество, ведет беспутную жизнь, влюбляется, сватается и т. д.

В канву незаконченного сочинения «Марья Шонинг» в связи с мотивом пути довольно органично вплетаются механизмы русской сказки. Прежде всего, следует обратить внимание на типичный для народного творчества образ росстани, возникающий в момент, когда Марья после аукциона имущества отца выходит на улицу и «<...> останавливается в недоумении: куда ей было идти?..» (397). Это значимое «недоумение» есть несомненная аналогия фольклорной ситуации «выбора пути», сопровождающейся размыслением у камня-указателя на развилке трех дорог, когда от принятого героем решения о направлении пути зависит его будущее.

Достаточно симптоматично, что хронотоп дороги выступает местом встреч, где в одной временной и пространственной точке пересекаются «<...> пути многообразнейших людей – представителей всех сословий, состояний, вероисповеданий, национальностей, возрастов. Здесь могут случайно встретиться те, кто формально разьединен социальной иерархией <...> здесь могут переплестись различные судьбы»¹⁵. Такая встреча происходит у Марьи с юношей, образ которого можно квалифицировать в качестве прототипа сказочного помощника¹⁶, дающего мудрый совет: «Молодой человек в золотых очках, подошел к ней и очень вежливо вызвался отнести портреты, куда ей будет угодно» (397). Молодой человек, предположительно, из богатого сословия, на что указывает деталь описания – «золотые очки», не ущемлен в правах, он свободно, не встречая препятствий, шествует по жизни. Девушка же, напротив, является представителем обездоленного народа, изображение которого, по целевой установке Пушкина, в данном произведении центральное.

Так, жизненные тропинки людей разных социальных положений, которым в реальности не по пути, пересеклись, но тут же расходятся, поскольку у каждого «своя дорога»: «Молодой человек дождал несколько секунд, и пошел *своею дорогою*» (397). Марье так же предуготован «свой путь», который, однако, на данном этапе раздорья не ясен, что подчеркивается трижды повторенным

указательным местоимением «куда» и философским многоточием, завершающим риторический вопрос: «<...> куда ей было идти?..» (397).

В книге И. В. Силантьева «Поэтика мотива» очерчены перспективы развития сюжета, взаимосвязанные с потенциалом мимолетной встречи: «<...> молодой человек примет участие в судьбе девушки <...>, между героями возникнет взаимность <...>, он догонит девушку, и она уже не откажется от его участия, или, может быть, они неожиданно встретятся вновь»¹⁷. Вполне вероятно, что один из выдвинутых исследователем вариантов совпадает с замыслом Пушкина, однако в том виде, в котором незаконченное сочинение издано редакторами, перед читателем калькированно проступают очертания не любовной линии, а «лишничества», выпадающего на долю Марьи: «<...> и я не знаю, куда мне деться <...> Не знаю, куда мне определиться <...> Пожалуйста, напиши, нужна ли я тебе» (396).

Как можно заметить, Пушкин, помимо того, что лишает своих героев – невольных путешественников – оседлости, домашнего очага, также окрашивает их существование в тона личной ненужности, одиночества, будто бы преломляя в повествовании некоторые биографические черты: «Состояние изоляции было неотъемлемым чувством самого Пушкина едва ли не всю жизнь, с юности и до конца он оставался бездомным, если не считать домом без конца снимаемые им комнаты <...> А шире – лишничество объемлет его духовную бездомность»¹⁸.

Систематизация рассмотренных выше особенностей, свойственных группе отрывков «накануне перемен», позволяет сделать вывод о том, что, помимо универсальной функции стимулирования движения сюжета, мотив пути – в данном случае «поездки», подразумевающей смену места пребывания, – является символом предстоящих в судьбах персонажей перемен.

Вторую группу незавершенных сочинений, детерминированную нами «в пути», поскольку, в соответствии с сюжетом, действующие лица уже отправились в путешествие, составляют прозаические отрывки «Записки молодого человека», «В 179* году возвращался я...», «Повесть из римской жизни».

Эти тексты подобны путевому очерку, и выводимый Пушкиным в первых строках образ пути представляет собой конкретный отрезок дорожного полотна от пункта А в пункт Б: так, офицер из «Записок молодого человека» перемещается из Петербурга в местечко Васильков, где расположен его полк; герой отрывка «В 179* году возвращался я...» направляется в Лифляндию с желанием обнять мать; делегация Нерона в «Повести из римской жизни» движется из Рима в Кумы.

В данном случае дорога выступает не только в роли фона развития действия, но в определенной степени объектом изображения нарратора, ищущего случая развеять скуку то в беседе с ямщиком, то со смотрителем почтовой станции.

Оценить специфику восприятия пространств русской земли повествователем «Записок молодого

го человека» позволяет обращение к одному из текстовых описаний: «Я пошел по большой дороге – справа тощий оземь, слева кустарник и болото. Кругом плоское пространство. Навстречу одни полосатые версты. В небесах медленное солнце, кое-где облако. Какая скука!» (404).

Обозреваемый пейзаж разочаровывает героя и навеивает тоску, причины чего могут быть объяснены с точки зрения художественной, согласно которой образ юноши, как представителя молодежи XIX в., предполагает иллюстрацию «преждевременной старости души», утраты интереса к жизни. Подход биографический завязан на авторском чувстве постылости, унылого однообразия жизни. Для подтверждения этой позиции можно сослаться на В. В. Вересаева – составителя систематического свода подлинных свидетельств современников Пушкина, – который акцентирует внимание на том, что в письмах поэта звучит «вечный, неизменный лейтмотив: скука, скука; тоска, тоска <...>»¹⁹

В ходе повествования отрывков второй группы реальная дорога трансформируется в метафорический образ «жизненного пути», цель прохождения которого заключается в обнаружении истинного предназначения человека.

Бессознательным, но настораживающим предчувствием столкновения с препятствиями в процессе поиска «своей колеи» можно диагностировать смену эмоционального состояния персонажей во время путешествия. Так, если в начале поездки сердца наполнены радостью: «При мысли о моей свободе, об удовольствиях пути и приключениях, меня ожидающих, чувство несказанной радости, доходящей до восторга, наполнило мою душу» (403) («Записки молодого человека»); «В 179* году возвращался я с веселою мыслию <...>» (418); «<...> ложились пировать и весело беседовали <...>, сладко засыпали <...>» (387) («Повесть из римской жизни»), то через короткий промежуток времени господствует иное настроение: «Но с неизъяснимым неудовольствием услышал я, что лошадей нет» (403); «К умножению досады, бричка моя сломалась» (418); «Я не мог уснуть; печаль наполняла мою душу» (388).

Подсказкой, провоцирующей творческое сознание читателя к ожиданию авантурных приключений, является ситуация-символ – внезапная, вынужденная остановка в пути, причины которой в двух отрывках практически идентичны: в «Записках молодого человека» герой вынужден задержаться на станции из-за отсутствия лошадей; по фабуле «В 179* году возвращался я...» сломалась бричка. Герои, таким образом, помимо воли пребывающие на чужой территории (почтовая станция), оказываются в изоляции.

Раскрытию сущности интересующего нас аспекта непредвиденного прерывания поездки способствует привлечение стихотворения Е. А. Баратынского «Дорога жизни», в котором поэт уподобляет жизнь человека езде на перекладных:

Нас быстро годы почтовые
С корчмы довозят до корчмы

И с нами теми роковые

Прогоны жизни платим мы²⁰.

Трактовка параллели сюжетных событий отрывка и стихотворения обнаруживает символический смысл «остановки» как, своего рода, предзнаменования, указания на то, что человек отклонился от нужного направления, и ему предоставляется возможность переоценить ситуацию и выбрать другой путь.

Ценное наблюдение по поводу значимости в жизни героя отрывка «В 179* году возвращался я...» трех событий: «... остановки героя на станции, пушечного выстрела, встречи и знакомства с хозяевами деревни»²¹ принадлежит И. В. Силантьеву, который на их основании предлагает рассматривать как один из возможных вариантов проявления авторской интенции любовную историю – по-видимому, принимая за доминанту эпизод чаепития с Каролиной Ивановной и ее приглянувшейся юноше дочерью. Ранее П. Дебрецени, собравший в книге «Блудная дочь» материалы о незавершенных прозаических произведениях Пушкина, выдвинул точку зрения, согласно которой «Фрагмент “В 179* году возвращался я...” (1835) представляет собой набросок к любовной истории между офицером и девушкой-дворянкой, но в нем практически нет указаний на дальнейшее развитие событий»²².

Как нам кажется, подтверждение узловых роли непредсказуемой остановки в пути можно обнаружить в «Повести из римской жизни», в которой взаимосвязаны два элемента: неожиданное прерывание безмятежного похода свиты цезаря и последующее за ним судьбоносное обвинение консула Петрония.

Таким образом, в отрывках, принадлежащих группе «в пути», помимо того, что дорога является фоном развития действия, предоставляя Пушкину свободу для развертывания спектра таких фабульных ходов, как авантурные приключения, встречи, знакомства: «Дорога собственно выгодна для изображения события, управляемого случайностью»²³, она выступает символом «жизненного пути».

Резюмируя особенности функционирования мотива пути в незавершенных сочинениях Пушкина, следует выделить два ключевых момента.

Во-первых, включение мотива пути в прозаические отрывки адекватно художественным установкам Пушкина. Роль мотива пути в структуре выделенной нами группы текстов «накануне путешествия» довольно типична – он, обуславливая причинную связь между событиями, знаменует начало сюжетной ситуации. В то же время «путешествие» – иными словами, пространственно-временная передислокация действующих лиц – обретает иносказательный смысл, становясь вехой нового этапа жизненного пути героя. Дорога под таким углом зрения уподобляется некоему переходному мосту, соединяющему моменты «до» и «после» судьбоносных перемен.

Дорожный мотив, включенный в другую группу отрывков, обозначенных нами как «в пути», обладает универсальной конструктивной функцией

организации сюжетных ходов в тексте, где дорога является фоном развития действия. Кроме того, поскольку Пушкина с конца 1820-х гг. не покидают мысли о поиске «своей колеи» и свободе (выбора, действий, творчества):

Ты царь: живи один.
Дорогою свободной

Иди, куда влечет тебя свободный ум²⁴,
внедрение в отрывки мотива пути, который носит философско-символическое значение «дороги жизни»: «Дорога – это пространство не только для встречи с чужими, но и с самим собой, и пространство для размышления о пройденном и будущем своего пути, т. е. время самосознания»²⁵, вырастает в размышления о жизненном пути человека, обращенного к неизведанному будущему.

Во-вторых, причина неизменно звучащего в произведении Пушкина мотива пути гипотетически может быть диагностирована в биографическом ключе. Так, из признания Пушкина в одном из писем П. В. Нащокину (25 февраля 1833 г.): «Путешествие нужно мне нравственно и физически»²⁶, складывается впечатление, что поэту не важен пункт следования, обстоятельства поездки и т. д., главное для него – быть в дороге, в движении:

Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать <...>
Повсюду я готов. Поедем <...>²⁷

В связи с этим вполне понятной становится сердечная тоска по путешествиям поэта, непрестанные попытки которого добиться разрешения на выезд в Западную Европу терпят крах и странствования оказываются под запретом. В подобном ракурсе, как нам кажется, можно говорить о том, что воплощение мечты Пушкина, осуществляясь заочно в художественной реальности, оборачивается дарованием свободы территориально-пространственного перемещения персонажам. Иными словами, это создание иллюзии желанного бегства, мысль о котором ярко звучит в стихотворении «Пора, мой друг, пора!»:

Давно завидная мечтается мне доля –
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег²⁸.

Примечания

- ¹ Ожегов С., Шведова Н. Толковый словарь русского языка. М., 2005. С. 176.
- ² Манн Ю. Смелость изобретения. Черты художественного мира Гоголя. М., 1985. С. 138.
- ³ Ожегов С., Шведова Н. Указ. соч. С. 634.
- ⁴ Там же. С. 176.
- ⁵ Там же. С. 634.
- ⁶ Достоевский Ф. Бесы // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 10. М., 1994. С. 313.
- ⁷ Дружников Ю. Смерть изгоя. По следам неизвестного Пушкина. Балтимор, 2001. С. 114.
- ⁸ См.: Вересаев В. В двух планах. М., 2000 ; Дебрецени П. Блудная дочь. СПб., 1996 ; Дружников Ю. Указ. соч. ; Жиын С. Образ пути и его значение в творчестве Пушкина : «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года», «Стихи, сочиненные во время путешествия» // Рус. лит. 2003. № 2. С. 66–80 ; Слинникова Э. Лирический цикл Пушкина «Стихи, сочиненные во время путешествия (1829 г.)» // Пушкинский сборник : сб. науч. тр. Л., 1977. С. 3–15 ; Скотов Н. Русский гений. М., 1987.
- ⁹ Путилов Б. Мотив как сюжетобразующий элемент // Типологические исследования по фольклору : сб. ст. в память В. Я. Проппа. М., 1975. С. 149.
- ¹⁰ Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия / под ред. А. П. Горкина. М., 2006. URL: <http://nashol.com/2011042254599/literatura-i-yazik-sovremennaya-illustrirovannaya-enciklopediya.html> (дата обращения: 12.11.2016).
- ¹¹ См.: Пропп В. Морфология волшебной сказки. М., 1969.
- ¹² Пушкин А. Полн. собр. соч. : в 16 т. М. ; Л., 1937–1949. Т. VIII. С. 413. Далее текст отрывков цитируется по этому изданию с указанием страниц в скобках.
- ¹³ Дружников Ю. Указ. соч. С. 115.
- ¹⁴ См.: Чичерин А. Возникновение романа-эпопеи. М., 1975. С. 97.
- ¹⁵ Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики : Исследования разных лет. М., 1975. С. 392.
- ¹⁶ См.: Пропп В. Исторические корни волшебной сказки. М., 2000. С. 139.
- ¹⁷ Силантьев И. Поэтика мотива. М., 2004. С. 191.
- ¹⁸ Дружников Ю. Указ. соч. С. 66.
- ¹⁹ Вересаев В. Указ. соч. С. 17.
- ²⁰ Баратынский Е. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. М., 1987. С. 53.
- ²¹ Силантьев И. Указ. соч. С. 192.
- ²² Дебрецени П. Указ. соч. С. 288.
- ²³ Бахтин М. Указ. соч. С. 392.
- ²⁴ Пушкин А. Указ. соч. Т. III. кн. 1. С. 233.
- ²⁵ Жиын С. Указ. соч. С. 72.
- ²⁶ Пушкин А. Указ. соч. Т. XV. С. 332.
- ²⁷ Там же. Т. III. кн. 1. С. 191.
- ²⁸ Там же. С. 330.

Образец для цитирования:

Устратова М. В. Специфика мотива пути в прозаическом отрывке Пушкина // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 179–183. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-179-183.

Cite this article as:

Ustratova M. V. The Features of the Road Motive in a Prose Fragment by Pushkin. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 179–183 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-179-183.